

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЦЕЛИ И СРЕДСТВ И ЕЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В. И. БАКШТАНОВСКИЙ, В. Н. САГАТОВСКИЙ

Ясное осознание целей общества и целей жизни личности служит стержнем мировоззрения. Знания и эрудиция сами по себе, не скрепленные определенными установками, не подчиненные цели, — это еще только заготовки для мировоззрения. Но для того, чтобы цели превратились в адекватные действия, нужны целесообразные средства.

Проблема соотношения цели и средств всегда была актуальной в этике, в идеологической борьбе, в практической деятельности. Джавахарлал Неру писал, что одним из самых сложных вопросов, который встал в молодости на его пути, был вопрос о том, в каком соотношении находятся между собой цели и средства: существует ли между ними неразрывная связь, ведет ли применение неправильных средств к искажению или даже к уничтожению поставленной цели¹).

В нашей литературе не было специальных работ, посвященных этой теме, но в последние годы в монографических исследованиях по этике ей уделяется определенное внимание²).

Для правильного решения проблемы соотношения цели и средств в этике имеются хорошие предпосылки в современном понимании целесообразности как всеобщей категории. В современной науке сложилось, прежде всего благодаря развитию кибернетики, такое понимание объективной целесообразности, которое не имеет ничего общего с телеологией. Цель как категория, характеризующая только сознательную деятельность человека, предстает при таком подходе, как специфический случай и высшая форма определенного всеобщего свойства действительности (ср. с отношением сознания к информационному отражению). Рассмотрим сначала соотношение цели и средств на уровне всеобщего, а затем интерпретируем полученные результаты на этику.

В предельно широком смысле под целью можно понимать то положение, к которому объективно направлена ведущая тенденция развития данной системы. Те действия, которые приближают систему к цели, являются по отношению к данной цели средствами. Подчеркнем, что говорить о средствах безотносительно к определенной цели бессмысленно. Еще Гегель отмечал, что «средство и есть то, что ничего собою не представляет само по себе, есть лишь ради другого и в этом другом

¹) См.: Дж. Неру. Открытие Индии. М., 1955, стр. 20.

²) См.: Г. Бандзеладзе. Опыт изложения системы марксистской этики. Тбилиси, 1963; Я. А. Милнер-Иринин. Этика или наука об истинной человечности. М., 1962; Ф. А. Селиванов. Этика. Томск, 1961; Ю. В. Согомонов. Добро и зло. М., 1965.

имеет свое определенное и свою ценность»³). Действия, которые способствуют достижению цели, будут **целесообразными**. Таким образом, по отношению к своей цели средства по определению являются целесообразными, но они могут оказаться нецелесообразными по отношению к другой цели, т. е. не быть по отношению к ней средствами. Основная трудность, как будет показано дальше, и заключается в том, чтобы уметь определять средства, соответствующие цели.

В живой природе целесообразность носит ярко выраженный информационный характер⁴). Любая рефлекторная деятельность по современным представлениям включает в себя акцептор действия — устройство, производящее анализ информации, поступающей с эффекторов, выполняющих определенные действия, и обеспечивающее управление этими действиями в соответствии с потребностями живой системы⁵). Цель предстает здесь уже не как само состояние, к которому объективно стремится система, но как опережающее отражение⁶) этого будущего состояния, как информационный процесс, направляющий систему к этому состоянию. Например, у собаки, кормление которой многократно сочеталось с зажиганием лампочки, последнее целесообразно вызывает выделение слюны.

У человека цель впервые приобретает осознанный характер. Это означает, что человек может дать себе и другим отчет в знаках второй сигнальной системы о том, к чему он стремится, т. е. как бы вынести свои цели во вне, поставить их перед своим сознанием и сделать предметом сознания и анализа. Наличие сознания дает возможность свободного выбора и позволяет говорить о моральной ответственности. Тем самым вопрос о соотношении цели и средств переносится в сферу этики. Средства будут целесообразными, если они способствуют достижению цели. Средства будут нравственно целесообразными (или просто нравственными), если они способствуют достижению доброй цели, добра. В этом смысле можно сказать, что цель оправдывает соответствующие ей средства.

Но оправдывает ли цель любые, даже безнравственные средства? Ведь именно так всегда ставился вопрос в этике. Из изложенного выше должно быть ясно, что такая постановка вопроса неправильна, метафизична, в ней не учитываются требования принципа конкретности истины. Для данной цели не может быть любых средств. Однако, поскольку вопрос реально ставился и ставится, нам придется рассмотреть и подвергнуть критике те метафизические ответы, которые даются на метафизически поставленный вопрос.

Можно выделить три основных ответа: 1) цель оправдывает любые средства (иезуиты); 2) никакая цель не оправдывает безнравственных средств (наиболее ярко выражено в теории непротивления злу насилием); 3) цель иногда оправдывает средства, а иногда нет (эклектика).

Представители двух первых точек зрения отрывают друг от друга цель и средства, преувеличивают значение того или иного и ставят вопрос в виде метафизической альтернативы: что важнее — или цель или средство. «Так как цель дозволена, то и средства дозволяются»⁷), — говорят иезуиты. А вот пример противоположной точки зрения: «Неверно думать, писал Р. Роллан, — будто цель оправдывает средство.

³) Гегель. *Философия права*. Соч., т. VII, стр. 166.

⁴) Мы не имеем возможности обсуждать здесь дискуссионный вопрос о том, является ли информация всеобщим свойством материи или имеет место только в живой природе и машинах, созданных людьми, хотя и склоняемся к первому решению.

⁵) См.: П. К. Анохин. *Физиология и кибернетика*. Ж. «Вопросы философии», 1957, № 4; Его же. Предисловие к книге Косса «Кибернетика». М., 1956.

⁶) См.: П. К. Анохин. *Опережающее отражение действительности*. Ж. «Вопросы философии», 1962, № 7.

⁷) Цит. по кн.: Ю. В. Самарин. *Иезуиты*. М., 1868, стр. 231.

Для истинного прогресса средство еще важнее, чем цель»⁸). В обоих случаях забывается, что цель достигается только определенными средствами, а средства являются таковыми только для определенной цели. Иезуиты полагают, что никакие средства не способны изменить цель. Сторонники теории непротивления злу насилием, напротив, считают, что средства всегда остаются неизменными — добрыми или злыми, и злое якобы само по себе средство (насилие) никогда не может послужить доброй цели.

Часто обе точки зрения пытаются опровергнуть просто приведением противоречащих им фактов. Нетрудно показать, что если жестокость, вероломство, беззаконие и т. д. применяются даже исходя из «благих побуждений» (человек, допустим, искренне считает, что все это есть лучшее средство для борьбы с врагом), все равно они легко разворачивают человека, изменяют цели, даже если они первоначально были чистыми. Ясно, например, что цель быстрее строительства коммунизма на Земле не оправдывает такого средства, как сознательное развязывание термоядерной войны, в которой погиб бы империализм, а заодно и половина человечества. Такое средство изменило бы саму цель, ибо коммунизм строится для людей и является воплощением гуманизма. Это нецелесообразное средство. С другой стороны, например, насилие или обман, применяемые как необходимые средства, могут совершенно не влиять на нравственность цели. Экспроприация экспроприаторов или скрывание врачом правды от тяжело больного о его состоянии (в определенных обстоятельствах) — нравственные поступки. Исходя из подобных фактов, иногда делают эклектический вывод: в одних случаях цель оправдывает средства, а в других — нет. Но это не выход из положения. Эклектика толкает к слепому эмпиризму в простых случаях и к субъективному произволу в сложных. Необходим объективный критерий соответствия средства и цели.

Этот критерий, на наш взгляд, можно сформулировать так: цель оправдывает те средства, которые необходимы и достаточны для достижения данной цели, в то же время не изменяют ее к худшему и не противоречат более высоким целям.

Последние требования нуждаются в серьезной расшифровке. Дело в том, что неизменность цели, достигнутой с помощью тех или иных средств, часто оказывается видимостью. Простой пример: человек сохранил себе жизнь ценой предательства. Жизнь — величайшая ценность и сохранение ее — достойная цель. Но разве жизнь предателя — это человеческая жизнь? Предательство может сохранить только существование биологического индивида, но не жизнь общественного человека, пользующегося доверием и уважением общества. По отношению к последней цели средство оказалось нецелесообразным, безнравственным. Мы боремся за долголетие, за здоровье, но эти цели не являются для человека самыми высокими. По отношению к другим целям — целям общественным — они, в свою очередь, выступают как средства. Поэтому средства, направленные на сохранение жизни и здоровья, нравственны лишь в том случае, если они не противоречат интересам общества.

Непонимание того, что цели представляют собой определенную иерархию, опять-таки ведет к метафизическим выводам. Нельзя, например, безоговорочно согласиться с таким положением: «Социализм не может подчинить личное счастье человека каким-то «высшим целям», потому что наивысшей целью социализма является личное счастье человека». Это положение верно лишь в том случае, если личные инте-

⁸) Р. Роллан. Соч., т. 13, стр. 32.

ресы и цели совпадают с общественными. Объявлять целью социализма удовлетворение таких личных интересов, которые противоположны общественным, было бы просто бессмысленно. Если ближайшая цель мешает достижению более высокой цели, то она должна быть отброшена как нецелесообразное средство. В противном случае мы пришли бы к выводу Э. Бернштейна: «Если он только преследует ближайшие цели, то совершенно второстепенный вопрос, ставит ли он себе определенную конечную цель»⁹⁾).

Однако высшая «конечная» цель не является абсолютным венцом в системе целей, как в телеологии. «Иерархия» целей — это скорее циклическая система, где главная цель выполняет роль регулирующего начала и в то же время служит и средством для выполнения подчиненных целей. Последние могут быть достигнуты во всей своей полноте только в том случае, если высшая цель уже достигнута и может выступить как средство. Так, если стержнем личного счастья у человека является творческое отношение к жизни, то достижение его способствует и удовлетворению общественных интересов, строительству подлинно человеческого общества, что, в свою очередь, обеспечивает торжество именно такого отношения к жизни, когда личное и общественное органически совпадают. Говоря словами Гегеля, средство, чтобы быть целесообразным, должно пропитаться природой цели, должно само явиться ее исполнением и осуществлением¹⁰⁾. Но поскольку всякое средство в другом отношении есть цель, то вся система средств и целей должна быть скреплена единством цели, что, как известно, было основной чертой характера Маркса. Осознание такой системы целей является важнейшей задачей в выработке научного мировоззрения, которое, в частности, может служить ключом для решения различных моральных проблем.

Различные ошибки в практическом поведении очень часто связаны с метафизическим вырыванием цели и средства из единой системы. В югославском фильме «Убийство на площади» герой фильма доктор Бернарди чувствует себя ответственным за жизнь 300 заложников, которые взяты за совершенное им убийство немецкого генерала. Он решает явиться к немцам, надеясь на их обещание отпустить в этом случае заложников. Точнее, он сознает, что фашистам верить нельзя, что он им нужен лишь как субъект, у которого можно выпытать сведения о партизанах. И все-таки сильное нравственное чувство переживания за судьбу заложников, к которой он оказался причастным невольно, толкает его явно на нецелесообразный поступок. Им руководит чувство: «Пожертвовать собой ради спасения многих — хорошо; если ты этого не сделал, то не простишь себе случившегося». Но это средство в данной ситуации дало бы лишь ненужную жертву. Стало быть, данное средство благородно не само по себе, но лишь в большинстве целевых ситуаций (так же как правдивость чаще всего хороша, а ложь плоха, но опять-таки не абсолютно, не вообще, а в определенных условиях).

Доктор Бернарди бежит к немецкому коменданту, но на пути его настигает пуля партизана. Зачем? Очевидно, чтобы он не выдал под пытками товарищей¹¹⁾. Но и перестраховка партизана, на наш взгляд, безнравственна. Вся логика фильма показывает, что врач — мужест-

⁹⁾ Э. Бернштейн. Исторический материализм. М., 1901, стр. 329. Подробную критику такого взгляда см.: Г. В. Плеханов. Критика наших критиков. Избр. соч., т. 2, 1954.

¹⁰⁾ См.: Г. В. Плеханов. Соч., т. 15, 1926, стр. 129.

¹¹⁾ Можно предположить, что партизан решил избавить его от пыток. Но это не правильно. За это время, пока враги, разбираясь в признании Бернарди, отсрочили бы расстрел, могли произойти различные события, способные совершенно неожиданно изменить ситуацию. Партизан не имел права брать на себя такую ответственность.

венный человек, что ему можно верить, что он не предаст. Борец, который знает, что ему не верят до конца, теряет один из источников силы. Не поверить человеку «на всякий случай» — значит погрешить против одной из самых высших целей нашей борьбы — борьбы за такое общество, где люди чувствовали бы себя друзьями, товарищами, братьями.

Итак, нет ни целей, ни средств, которые были бы безусловно хороши или плохи во всех отношениях и во все времена. Однако в рамках конкретной исторической ситуации определенная общественная цель выступает как безусловная. Для животного безусловной целью является сохранение жизни. Для человека безусловной является только жизнь, достойная человека. В настоящее время такая жизнь гарантируется только переходом к коммунизму и борьбой за него. Поэтому все другие цели и средства должны рассматриваться в свете этого основного начала.

Упреки наших идеологических противников в том, что коммунисты якобы берут на вооружение иезуитский лозунг «цель оправдывает средство», есть результат их метафизического мышления. Так, канадский философ Г. Б. Мэйо в «Энциклопедии морали», изданной в Лондоне в 1957 г., утверждает, что коммунисты оправдывают любой успех, какими бы средствами он ни был достигнут. Это обвинение не соответствует действительности. Средства, которые способны запятнать чистоту наших целей, изменить эти цели, неприемлемы для нас. «Гуманизм как цель определяет наиболее гуманный характер средств ее достижения» (Маркс). Но коммунизм — это и есть заверченный гуманизм¹²).

¹²) См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 563.